

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2019 г. С. Афонцев

АФОНЦЕВ Сергей Александрович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (afontsev@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 11.03.2019.

Анализируются изменения динамических и структурных параметров развития мировой экономики, связанные с формированием новой модели экономического роста в развитых странах и странах с развивающимися рынками. Показано, что ресурсно-технологические и институциональные характеристики данной модели создают условия для поддержания устойчиво высоких темпов роста глобального ВВП. Главным источником рисков является эрозия сложившейся в последние десятилетия системы управления глобальными экономическими процессами, способная резко снизить вклад внешнеэкономических связей в экономический рост.

Ключевые слова: мировая экономика, экономический рост, ВВП, международная торговля, прямые иностранные инвестиции, глобальная конкурентоспособность, цифровая экономика, управление глобальными экономическими процессами, протекционизм, торговые войны.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-36-46

Любой уважающий себя экономист льстит себя надеждой, что рано или поздно именно ему выпадет честь обнаружить и объяснить принципиально новое явление в изучаемой им области. Чем более масштабным будет такое явление и чем больше полемике в академической и экспертной среде вызывают процессы, протекающие в относящейся к нему области исследований, тем выше субъективно воспринимаемый вклад соответствующего научного достижения в развитие экономической науки, в решение актуальных задач экономической политики и — что греха таить — в перспективы позитивного развития профессиональной карьеры его автора. В этой связи неудивительно, что максимальную активность в предсказании и описании новых феноменов и тенденций проявляют специалисты в области мировой экономики.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОИСКИ

По очевидным причинам наибольшая конкуренция идей наблюдается по вопросам прогнозирования экономических кризисов и анализа их ключевых факторов, разработки рекомендаций для антикризисной политики, а также поиска новой траектории устойчивого роста мировой экономики после ее выхода из периода потрясений.

С одной стороны, именно эти вопросы обеспечивают максимальную вероятность получения новых научных результатов — в первую очередь потому, что новыми оказываются сами изучаемые явления. С другой стороны, все перечисленные вопросы имеют выраженную значимость для общественных и политических дискуссий, и автор самой яркой и плодотворной идеи имеет хорошие шан-

сы возглавить рейтинги цитирования и оказаться хедлайнером СМИ. В этом отношении, пожелание “жить в эпоху великих перемен” для специалистов по мировой экономике звучит благословением, а не проклятием.

Глобальный кризис 2008–2009 гг. и последовавший за ним период турбулентного развития мировой экономики в полной мере продемонстрировали справедливость приведенных выше наблюдений. Хотя соответствующие события не принесли с собой интеллектуальных новшеств масштаба кейнсианской революции, смены импортозамещающей модели промышленной политики на экспортно ориентированную или хотя бы “Вашингтонского консенсуса”, их влияние на дискуссии по проблемам мировой экономики трудно переоценить.

Если оставить в стороне курьезные аспекты (в том числе появление профессиональных “предсказателей кризисов”, почти ежегодно прогнозирующих новые волны рецессии, “жесткую посадку” ведущих экономик мира, крах зоны евро, распад мировой экономики на конфликтующие региональные блоки и т.п.), в актив прошедшего десятилетия можно занести ряд содержательных достижений, в частности, появление гипотезы “новой нормальности”, обсуждение сравнительных достоинств альтернативных подходов к моделированию процессов экономического развития, анализ последствий финансовализации и цифровизации экономики.

Некоторые из новшеств претерпели заметную эволюцию по мере формирования посткризисного ландшафта глобального развития и регулирования.

Так, гипотеза “новой нормальности”, изначально предложенная для объяснения низких темпов восстановления экономики в период непосредственно после окончания острой фазы кризиса [1, 2], в последующие годы стала получать альтернативные интерпретации для описания тенденций развития в рамках нового глобального контекста, связанного с технологическими изменениями (растущим использованием цифровых технологий [3, 4]), сменной базовых трендов в динамике мировой торговли [5] и, шире, формированием новой модели роста мировой экономики¹. В свою очередь характерное для последних лет расширение использования некооперативных практик в сфере управления глобальными экономическими процессами (включая возникновение реального риска начала торговых войн) создало запрос на дальнейшую разработку аргументов о необходимости сохранения и совершенствования существующей системы регулирования международных хозяйственных связей, благодаря которой в контексте кризиса 2008–2009 гг. удалось обеспечить широкий международный консенсус по вопросу о недопустимости неконтролируемой эскалации торговых барьеров.

При всей динамичности процессов, протекающих в сфере изучения мировой экономики, сама она меняется еще быстрее, что неизбежно ведет к формированию “белых пятен” на интеллектуальной карте исследователей. Говоря о новых тенденциях развития после глобального экономического кризиса, можно выделить три основных проблемных области с наибольшей концентрацией таких пятен.

Во-первых, это вопросы, касающиеся структурных и динамических характеристик новой модели роста, складывающейся в мировой экономике. Если факт перехода к ней не вызывает сомнений, то консенсуса по поводу сущности происходящих изменений пока не просматривается. Во многих случаях в академической среде отсутствует согласие не только о том, какое влияние те или иные факторы будут оказывать на траектории роста развитых стран и стран с развивающимися рынками, но и о том, насколько реальными являются сами эти факторы.

Во-вторых, открытым остается вопрос о том, насколько устойчивой может оказаться новая модель. Он имеет как стратегическое, так и тактическое измерение. Интерес представляет как потенциальный срок жизни модели (имеет ли она долгосрочную перспективу или изживет себя в течение одного–двух десятилетий?), так и возможность зарождения в ее недрах кризисных импульсов, способных привести к потрясениям в мировой

экономике, сопоставимым по масштабу с событиями 2008–2009 гг.

Наконец, в-третьих, на сегодняшний день существует высокая степень неопределенности относительно будущих сценариев развития механизмов управления глобальными экономическими процессами. На протяжении последних десятилетий эти механизмы так или иначе способствовали снижению уровня барьеров для международного экономического взаимодействия и сдерживали распространение кризисных импульсов в мировой экономике. Наблюдаемая в настоящее время тенденция к подмене многосторонних подходов в сфере экономического регулирования односторонними (фактически копирующая с определенной задержкой аналогичные тренды в мировой политике) является одним из наиболее значимых вызовов для долгосрочных перспектив мирохозяйственного развития.

НОВАЯ МОДЕЛЬ РОСТА: ЧТО ОТ НЕЕ ЖДАТЬ?

Новая модель роста, переход к которой оказал определяющее влияние на характер посткризисного восстановления мировой экономики, представляет собой феномен одновременно и очевидный, и загадочный. Ее основные черты оформились достаточно рано – фактически уже в первые годы текущего десятилетия, благодаря чему можно говорить не только об их конкретных проявлениях в различных группах стран, но и о том, в какой мере она оправдывает возлагаемые на нее надежды. Вместе с тем ряд ее характеристик вызывает существенные разногласия среди специалистов. Горячо дебатруется вопрос: способствуют ли они ускорению экономического роста или создают для него новые риски?

Если говорить об основных чертах новой модели роста мировой экономики, то ее главной особенностью является ярко выраженный реванш ресурсов и технологий в структуре факторов, ответственных за ускорение процессов глобального развития (подробнее см. [7]). Контраст по сравнению с предшествующим периодом здесь очевиден.

Начиная с 1990-х годов на первый план в объяснениях межстрановых различий в темпах и уровнях экономического развития выдвинулись институциональные факторы и связанные с ними факторы экономической политики. Действительно, государства с переходной экономикой, сумевшие успешно провести рыночные реформы, наглядно продемонстрировали возможность ускорения темпов роста даже при неизменной наделенности производственными ресурсами.

¹ См. специальный выпуск *Journal of International Money and Finance*, посвященный данной теме [6].

Приток зарубежного капитала и технологий в такие страны рассматривался в качестве дополнительного аргумента в пользу примата институтов и экономической политики [8, 9]. Ввиду истощения “трансформационного дивиденда” в предкризисный период и вялой реакции реального сектора на меры антикризисной политики после 2008 г., оценки вклада экономической политики и особенно институциональных факторов развития становились все более умеренными, в то время как роль производственных ресурсов и технологий выходила на передний план.

Решающую роль сыграли (1) изменение глобальной демографической ситуации – старение населения в экономически развитых странах и сокращение притока дешевой рабочей силы на рынки труда развивающихся стран, а также (2) рост конкуренции за сырьевые ресурсы в мировой экономике, стимулирующий инвестиции в разработку новых видов и источников сырья, ресурсосберегающих технологий и технологий альтернативной энергетики.

Одно из ключевых следствий глобальных демографических изменений заключается в том, что в ближайшие десятилетия будет радикально снижаться роль дешевой рабочей силы как сравнительного преимущества стран в конкуренции на глобальных рынках. Для большинства ведущих стран с развивающимися рынками это будет означать, что поддержание устойчиво высоких темпов роста потребует активного замещения труда капиталом и внедрения новых технологий для повышения совокупной факторной производительности.

Для достижения этой цели необходимы глубокие структурные реформы, включая изменение состава экспорта (снижение доли трудоемких товаров и наращивание доли услуг), реориентацию инвестиций в пользу высокотехнологичных отраслей экономики и формирование национальной системы накопления человеческого капитала с опорой на образовательные стандарты экономически развитых государств. Переход к новой модели роста потребует от стран с развивающимися рынками существенно более высоких ресурсных издержек и институциональных усилий, чем от экономически развитых стран. Вызовы, связанные со сдвигом возрастной структуры общества в сторону старших когорт, в случае экономически развитых стран требуют решения давно знакомой для них задачи повышения капиталоемкости и технологического уровня производства. Правда, некоторые стратегии адаптации к соответствующим вызовам (в частности, переход к “беспилотным” технологиям в различных сферах хозяйственной деятельности) могут быть чреваты заметными социальными издержками.

Определенные преимущества экономически развитые страны будут иметь и в сфере использования сырьевых ресурсов. Если ранее доступ к их источникам представлял для них серьезную проблему, то в современных условиях разработка и коммерциализация новых технологий добычи, ресурсосбережения и альтернативной энергетики выступает в роли действенного балансирующего фактора, который, с одной стороны, снижает зависимость развитых экономик от импорта сырья, а с другой стороны – создает возможности для экспорта как технологий, так и ориентированных на них оборудования и сервисов, и даже самих сырьевых ресурсов, добытых с использованием новых технологий (как в случае с экспортом сланцевых нефти и газа из США).

Страны с развивающимися рынками, которые пока располагают ограниченным потенциалом разработки высоких технологий, в кратко- и среднесрочной перспективе могут рассчитывать либо на их привнесение в национальную экономику вместе с прямыми иностранными инвестициями, либо на более или менее легальную репликацию технологических достижений развитых держав. При этом, как показывает опыт технологических санкций против России, Ирана и КНДР, а также первые результаты технологического давления США на КНР, возможности для нелегального заимствования технологий сокращаются. Наиболее острые вызовы технологические новшества могут поставить перед теми странами с развивающимися рынками, которые традиционно выступали в роли экспортеров сырья. Перспективы дальнейшего роста спроса на него становятся все более неопределенными, а шансы столкнуться с обострением конкуренции на рынке – все более реальными.

В целом же влияние “сырьевой” составляющей новой модели роста² на перспективы глобального развития следует считать положительными. Снижение ресурсоемкости глобального ВВП и гибкое применение технологий, ориентированных на замещение сравнительно дорогих ресурсов (и их источников) более дешевыми приведут к повышению объема использования ресурсов без достижения физических пределов их доступности. Риски того,

² Трансформация мировой энергетики, связанная с разработкой и коммерческим освоением технологий добычи сланцевого газа и сланцевой нефти, наглядно продемонстрировала, что институциональные факторы сохраняют высокую значимость в плане формирования контуров новой модели роста глобальной экономики. В частности, сланцевый прорыв США был во многом связан с наличием независимых сервисных компаний, заинтересованных в активном освоении нетрадиционных месторождений [10]. Однако влияние институциональных факторов на темпы экономического роста реализуется не непосредственно, а через действие соответствующих ресурсно-технологических факторов.

что мировая экономика столкнется с пределами роста ввиду исчерпания того или иного вида природных ресурсов, отодвигаются в далекое будущее (по нефти и газу — не менее чем на столетие)³. Одновременно формируются новые рынки технологий, высокотехнологичного оборудования и услуг профильных компаний (в том числе добывающих), что создает новые возможности для расширения международного экономического сотрудничества (в том числе с участием стран с развивающимися рынками) и роста глобального ВВП.

ОЖИДАНИЯ И РЕАЛИИ

В какой мере фактическое развитие глобальной экономики в посткризисный период соответствовало ожиданиям, связанным с формированием новой модели роста? После того как в 2017 г. с окончательным преодолением кризиса еврозоны опустело последнее “гнездо черных лебедей” в мировой экономике и темп ее роста превысил 3.7%, стало возможным говорить о справедливости тезиса, согласно которому задачи адаптации к стандартам новой модели роста для развитых стран выглядят существенно менее проблематичными, чем для стран с развивающимися рынками.

В первой группе средние темпы роста в 2017–2018 гг.⁴ увеличились на 0.17 п.п по сравнению со средним уровнем 2001–2007 гг.⁵ (2.35% против 2.18%). В странах G7 ускорение средних темпов роста составило 0.36 п.п. (2.16% по сравнению с 1.81%), а в странах еврозоны — целых 0.4 п.п. (2.21% против 1.81%).

Напротив, в группе стран с развивающимися рынками средние темпы роста снизились на 1.85 п.п. (4.7% по сравнению с 6.55%), в том числе у развивающихся азиатских экономик — на 1.89 п.п. Таким образом, здесь темпы роста сократились по сравнению с предкризисным периодом более чем на четверть, тогда как по всей мировой экономике интенсивность их снижения была в два раза ниже. Средние темпы роста стран с развивающимися рынками достигли минимальных значений в 2015 г. (4.3%) на пике проблем китайской экономики (в период с июня 2015 г. по январь 2016 г. ведущий национальный фондовый индекс *Shanghai Composite* обвалился почти в 2 раза — с максимума

5178 пунктов до 2638 пунктов). Несмотря на последующее частичное улучшение ситуации, тенденция к относительному замедлению развивающихся экономик с высокой вероятностью получит дальнейшее развитие — в полном соответствии с логикой новой модели роста мировой экономики.

Согласно оценкам МВФ, в период 2019–2023 гг. темпы роста глобального ВВП сохранятся на уровне 3.7–3.6% в год (с замедлением менее чем на 0.15 п.п. к концу периода). Для экономически развитых стран МВФ прогнозирует снижение темпов с 2.4% до 1.5% (в первую очередь из-за свертывания фискальных стимулов в США, а также негативных последствий протекционистской политики администрации Д. Трампа как для самой американской экономики, так и для экономики ЕС), а для стран с развивающимися рынками — минимальное ускорение (с 4.7% до 4.8%). По прогнозам ИМЭМО РАН, в настоящее время нет оснований ожидать столь значительного замедления роста развитых экономик, а развивающиеся рынки уже в 2019 г. могут выйти на темпы роста порядка 5.0%. В последующие годы можно ожидать относительного ускорения роста экономически развитых государств: если в настоящее время они отстают от развивающихся по темпам увеличения ВВП примерно в 2 раза, то к середине 2020-х гг. разрыв сократится до 1.5–1.7 раз.

Сегодняшние проблемы перехода мировой экономики к новой модели роста могут быть охарактеризованы следующим образом. Для развивающихся рынков, принципиальную роль играют трудности адаптации к утрате конкурентных преимуществ в сфере использования рабочей силы, а также к ухудшению перспектив повышения спроса на сырьевые ресурсы.

Наиболее яркой иллюстрацией является устойчивое замедление китайской экономики. По сравнению с ее рекордным ростом в предкризисном 2007 г. (14.2%) в 2018 г. показатель снизился более чем вдвое — до 6.6%, а, согласно прогнозу МВФ, уже в 2022 г. он может упасть ниже уровня 6%.⁶ Во многом это обусловлено снижающейся динамикой экспорта. Если в отдельные годы предшествующего десятилетия она превышала 20% в год (в 2003 г. — беспрецедентные 33.5%), то с 2012 г. — упала ниже 10%. В 2015 г. зафиксирован спад на 2.3% (с конца 1990-х гг. такое наблюдалось лишь однажды — на 11.2% в 2009 г.). Хотя пекинское руководство предпринимает активные усилия по стимулированию

³ Фактически единственным ресурсом, которому реально угрожает физическое исчерпание, является пресная вода. Однако и эта проблема может найти решение, позволяющее избежать снижения темпов роста мировой экономики [11].

⁴ Для 2018 г. взяты прогнозные значения, опубликованные МВФ в октябре 2018 г. [12].

⁵ Период 2001–2007 гг. является наиболее адекватным для проведения сопоставлений, поскольку его отправной точкой является первый год “нормального” развития мировой экономики после финансового кризиса на развивающихся рынках 1998–1999 гг. и кризиса доткомов 2000 г.

⁶ Показательно, что в Индии, где проблемы дефицита дешевой рабочей силы в ближайшие десятилетия будут стоять существенно менее остро, чем в КНР, перспективы роста заметно более позитивны. В 2014–2016 гг. Индия росла быстрее КНР, и в 2018 г. вновь вырвалась вперед. Ее опережение по темпам роста, согласно оценкам МВФ, составило 0.6 п.п. (7.3% против 6.6%), а к 2023 г. может превысить 2.1 п.п. (7.7% против 5.6%).

внешнего спроса на продукцию национального экспорта (в том числе в рамках инициативы “Один пояс, один путь”), поддержание высоких темпов экономического развития страны связано в первую очередь с использованием внутренних источников роста. На состоявшемся в октябре 2017 г. XIX съезде Коммунистической партии Китая была выдвинута амбициозная цель на среднесрочную перспективу – к 2021 г., когда будет отмечаться столетний юбилей КПК, обеспечить полную победу над бедностью и построение “общества среднего достатка”. Замедление темпов роста представляет собой очевидную угрозу достижению этой цели, что потенциально может привести не только к экономическим, но и социальным (а, возможно, и политическим) проблемам.

В случае стран с развивающимися рынками, ориентированных на сырьевой экспорт, внешние источники роста также оказались под давлением – в немалой степени вследствие отмеченного выше замедления китайской экономики. Несмотря на частичное восстановление мировых цен на энергетическое сырье, динамика экспорта в группе стран Среднего Востока и Северной Африки в 2017–2018 гг. оказалась отрицательной (спад на 1.3% и 0.5%, соответственно), а темпы экономического роста в этой группе стран (1.8% и 2%) были более чем в 2 раза ниже, чем в целом по группе развивающихся экономик. Хотя МВФ прогнозирует умеренное повышение темпов их роста до 2.9–3% в 2020–2023 гг., ожидаемые темпы роста экспорта не превышают 2.1% в год, что выглядит крайне неубедительно по сравнению с 2001–2007 гг., когда они составляли в среднем порядка 6.3%.

В странах Латинской Америки и Карибского бассейна темпы роста экспорта восстановились до уровня 4.5% по сравнению с минимумами 2013–2014 гг., когда они упали до 1.1–1.2%, однако это не привело к перезапуску экономического роста. В 2018 г. экономики Латинской Америки и Карибского бассейна росли крайне медленно (1.2%), при этом в пяти из них, по оценкам МВФ, наблюдался спад (в том числе в Аргентине – на 2.6%⁷, в Доминиканской Республике – на 14.1%, в Венесуэле – на 18%). Экономика Бразилии растет второй год подряд (1% в 2017 г. и 1.4% в 2018-м), однако этого явно недостаточно, чтобы компенсировать спад 2015–2016 гг. (на 3.8% и 3.6%, соответственно). Несколько более благополучно на этом фоне выглядит динамика развития стран Африки южнее Сахары, продемонстрировавших в 2017–2018 гг. рост на 2.7% и 3.1% соответственно. Однако высокая волатильность их экспорта, среднегодовые темпы роста которого за период 2001–2008 гг. составили всего 1.9%, не дает повода для оптимизма. В целом

приходится констатировать, что адаптация развивающихся экономик к изменению структуры сравнительных преимуществ в мировом хозяйстве протекает с большими затруднениями.

Для экономически развитых стран, в 2017–2018 гг. вышедших на траекторию уверенного роста и к началу 2019 г. по ряду показателей превзошедших достижения докризисного периода⁸, главный вызов связан с обеспечением поступательного развития в условиях сокращения предложения трудовых ресурсов. Теоретически, связанные с данным фактором ограничения роста могут быть ослаблены за счет ускоренного замещения труда капиталом. Однако примеров динамичного роста ВВП при неизменном либо сжимающемся объеме трудовых ресурсов мировая экономика пока не знает.

Своеобразным экспериментальным полигоном в данном случае выступает Япония, которая на протяжении последних десятилетий обеспечивала высокий уровень жизни населения в условиях его ускоренного старения и фактического отсутствия притока рабочей силы из-за границы. Многие специалисты предполагали, что в случае успеха начатой в 2012–2013 гг. политики стимулирования экономического роста (по имени инициатора ее премьер-министра С. Абэ получившей название “абэномика”, призванное напомнить об успехах “рейганомики” тремя десятилетиями ранее⁹) Япония может задать ориентиры новой модели роста экономически развитых стран. Этим ожиданиям, однако, не суждено было сбыться. Темп роста экономики, зафиксированный на заре “абэномики” в 2013 г. (2%), так и остался непревзойденным в последующие годы. Правда, к 2018 г. уровень безработицы достиг минимальных значений за весь период с 2000 г. (менее 2.9%), а темп роста потребительских цен возрос с 0.5% в 2017 г. до 1.2% в 2018-м. Однако интерпретировать эти изменения как признаки долгожданного выхода японской экономики из дефляционной ловушки было бы

⁷ О специфике экономических проблем в Аргентине см. [13].

⁸ Наиболее показательна ситуация с безработицей, которая в период глобального экономического кризиса и в первые посткризисные годы вызвала особые опасения. Некоторые эксперты даже предлагали считать ее высоким уровнем элементом “новой нормальности”. Между тем в США в последние годы она уверенно сокращается (4.9% в 2016 г., 4.4% в 2017-м). Показатели за ноябрь и декабрь 2018 г. (3.7 и 3.9%) оказались самыми низкими с 2000 г. В еврозоне безработица в январе 2019 г. составила 7.8%, что на 4.3 п.п. ниже уровня апреля 2013 г. Достигнутый к началу 2019 г. показатель позволяет говорить о достаточно успешном решении проблем занятости в рамках ЕС, хотя в ряде стран-членов (Кипр, Греция, Италия, Испания) безработица остается выше уровня 2006 г.

⁹ В частности, Дж. Стиглиц отмечал в 2013 г.: “В общем, нет сомнений, что абэномика сработает: в стране низкое неравенство, сильные институты, высокообразованная рабочая сила... Япония должна стать лучом света в унылом царстве мировой экономики” [14].

преждевременно (в частности, с учетом того, что ускорение инфляции объясняется главным образом повышением цен на импортные энергоносители). Если исключить продовольственное сырье и энергоносители, рост цен в 2018 г. составил всего 0.5%. Это выше, чем в 2017 г. (0.1%), но совершенно недостаточно для того, чтобы констатировать преодоление дефляционных тенденций.

Наконец, если рассмотреть потенциальные источники глобального маневра в пользу замещающих труд капиталоемких технологий, то их спектр сегодня достаточно узок. Фактически речь идет главным образом о развитии цифровых технологий. Их поддержка стала главным направлением промышленной политики развитых государств и ведущих стран с развивающимися рынками, что нашло отражение в формулировании таких концепций развития, как “Индустрия 4.0”, “Индустрия будущего”, *Smart Factory*, *High Value Manufacturing*.

Количественная оценка макроэкономических последствий цифровой революции – сложная задача. Эффекты развития цифровых технологий не концентрируются в ограниченном круге отраслей, охватывая в той или иной мере все сектора экономики, перспективы развития которых, в свою очередь, зависят также от многих других факторов, непосредственно не связанных с технологическими изменениями. Наиболее реалистичный алгоритм оценки заключается в том, чтобы, используя в качестве основы базовый прогноз развития мировой экономики [15], рассчитать возможный вклад факторов цифровизации, сфокусировав внимание на тех цифровых технологиях, отраслевые эффекты которых могут быть с высокой степенью надежности прослежены на основании имеющихся в настоящее время рыночных исследований и обзоров.

В качестве ключевых технологий, внедрение которых будет иметь принципиальное значение для создания нового базиса развития промышленности, финансовых и нефинансовых услуг, называются следующие [16, 17, 18, 19, 20]:

1) *цифровые технологии обработки информации* (создание новых продуктов, апгрейд традиционных отраслей, эффективность управления, Интернет вещей), в том числе технологии блокчейн (финансовые инновации, смарт-контракты, шеринговая экономика);

2) *3D-печать* (создание новых продуктов, кастомизация производства при сохранении эффекта масштаба);

3) *искусственный интеллект* (замещение труда капиталом – особенно в сфере телекоммуникаций, беспилотного транспорта, финансов; машинное обучение как предпосылка кастомизации производства);

4) *виртуальная реальность* (создание новых продуктов, расширение спектра решаемых задач, особенно в секторах развлечений, здравоохранения, образования);

5) *5G-связь* (услуги связи, эффективность управления, Интернет вещей, беспилотный транспорт).

По предварительным расчетам специалистов ИМЭМО РАН, самые оптимистичные оценки вклада соответствующих технологий в ускорение роста глобального ВВП не превышают 0.15–0.25 п.п. в год. Речь идет, разумеется, лишь о нижней границе количественного измерения макроэкономических последствий цифровизации. Их уточнение – задача дальнейших исследований по мере появления нового статистического материала. Зарубежные оценки также указывают на ограниченность вклада цифровой трансформации в ускорение роста ВВП и совокупной производительности факторов производства¹⁰. Все это не позволяет считать цифровую экономику ядром новой модели роста мировой экономики. Скорее всего, она станет лишь одним из многих факторов ее формирования.

ГРЯДЕТ ЛИ НОВЫЙ КРИЗИС?

Любой достаточно продолжительный период поступательного развития мировой экономики всегда приводит экспертов к мысли о том, что рано или поздно за ним последует новый кризис. Текущая ситуация очевидным образом побуждает к алармизму: если не случится ничего экстраординарного, в середине 2019 г. будет побит 120-месячный рекорд длительности позитивной (без выраженных рецессий) динамики глобального развития. Хотя на этот период пришлось и кризис еврозоны, и “просадка” китайского фондового рынка в 2015 г., и коррекция на фондовом рынке США в конце 2018 г., прогнозов о грядущем кризисе предостаточно [26].

Если абстрагироваться от эмоций и придерживаться фактов, установленных в рамках исследований деловых циклов, то ситуация выглядит следующим образом. Обоснованные суждения о высокой вероятности начала любого экономического кризиса – будь он структурный или циклический – предполагают четкое указание на его базовые условия (наличие фундаментальных диспропорций в хозяйственной системе, требующих коррекции) и на непосредственные триггеры, создающие у экономических субъектов – с учетом накопленных диспропорций – стимулы к радикальному изменению бизнес-поведения, приводящему

¹⁰ См. [21, 22, 23]. О необходимости пересмотра завышенных оценок влияния цифровой трансформации на показатели занятости в контексте замещения труда капиталом см. [24, 25].

в конечном итоге к обвалу на финансовых рынках и к рецессии в реальном секторе экономики.

Существенно, что (1) само по себе длительное бескризисное развитие мировой (или национальной) экономики, не сопровождающееся нарастанием фундаментальных диспропорций, не может служить указанием на неизбежность кризиса в ближайшей перспективе; (2) статистические указания на наличие экономических диспропорций не могут служить свидетельством неизбежности кризиса, если отсутствуют факторы, заставляющие хозяйствующих субъектов видеть в них непосредственную угрозу своим интересам¹¹; (3) наступление событий, которые в исторической ретроспективе вели к началу кризисов, при отсутствии наблюдавшихся в преддверие соответствующих кризисов экономических диспропорций не означает автоматического наступления нового кризиса¹².

Что можно сказать о вероятности наступления кризиса в ближайшие годы (на горизонте до 2021 г.) на основании анализа перечисленных факторов? Если говорить о циклическом кризисе, основные риски связаны со свертыванием реализуемой ФРС США политики количественного смягчения, а также с нарастанием волатильности фондовых рынков США: в 2018 г. рассчитанный для них индекс волатильности *VIX* составил рекордные 130.25%, что намного превысило уровни 2007 и 2008 гг. — 94.64% и 77.78% соответственно.

Вместе с тем ни один из традиционных опережающих индикаторов циклического кризиса в финансовом и реальном секторе в первые месяцы 2019 г. не давал однозначных указаний на неизбежность циклического спада. Равным образом, не выявлено наличие в настоящий момент факторов, сыгравших роль триггеров глобального кризиса 2008–2009 гг. и “кризиса доткомов” 2000 г. Таким образом, в краткосрочной перспективе нет оснований предсказать циклический кризис¹³.

¹¹ Характерным примером является состояние государственного долга Японии, превышающего 250% ВВП. С точки зрения теории и мировой практики это признак глубокой диспропорции в финансовом секторе. Однако в конкретных условиях японской экономики у ключевых субъектов — держателей долговых обязательств правительства нет стимулов к их массивному сбросу. Соответственно, сохранение данной финансовой диспропорции в японской экономике (и даже ее возможное углубление) вполне совместимо с отсутствием нового кризисного спада.

¹² Иными словами, события, в исторической ретроспективе игравшие роль триггеров кризиса, могут не представлять опасности, если отсутствуют экономические диспропорции, в прошлом сопровождавшие спровоцированные соответствующими триггерами кризисы.

¹³ Показательно, что основатель и соруководитель хедж-фонда *Bridgewater Associates* Р. Далио — один из наиболее одиозных пророков нового глобального кризиса — в конце февраля 2019 г. снизил прогноз вероятности наступления

Сложнее обстоят дела с вероятностью структурного кризиса. На сегодняшний день есть два ключевых кандидата на статус переменной, отражающей чреватые кризисом структурные диспропорции: (1) нарастание неравномерности распределения доходов в глобальном масштабе [28, 29, 30], способное подорвать легитимность формирующейся модели роста (а значит, и ее политическую поддержку в ведущих странах мира) с позиций социальной справедливости, и (2) принципиальное изменение пропорций, характеризующих рост мировой торговли и глобального ВВП.

Если тезис о нарастании экономического неравенства не имеет однозначного статистического подтверждения и, возможно, представляет собой результат манипуляций при обработке данных¹⁴, то смена трендов в сфере мировой торговли несомненна. Действительно, события 2008–2009 гг. привели к радикальному изменению ее динамики. Чтобы понять сущность этого изменения, рассмотрим среднегодовое отношение темпов роста мировой торговли (в текущих ценах по рыночным валютным курсам) к темпам роста реального ВВП в мировой экономике начиная с 1980 г.

В первую очередь обращает на себя внимание двукратное увеличение данного аналитического показателя в 1990-х годах по сравнению с 1980-ми (с 1.04% до 2.1%; при этом в 1994–1995 гг. темпы роста мировой торговли опережали темпы роста глобального ВВП в рекордные 2.9 раза). Неудивительно, что именно в 1990-х годах не только сформировалась концепция экономической глобализации, подразумевающая опережающее развитие мирохозяйственных связей по сравнению с национальными экономиками, но и произошел почти повсеместный отказ от приоритетов импортозамещения в промышленной политике в пользу экспортно ориентированной модели¹⁵.

В 2000-х годах после “кризиса доткомов” темпы роста мировой торговли несколько снизились — в среднем они опережали темпы роста глобального ВВП в 1.4 раза, а максимальное превышение составило 2.6 раза (в 2000 г.) и 2.1 раза (в 2004 г.). Тем не менее опережающий рост мировой торговли был налицо, что обуславливало однозначный характер рекомендаций для экономической политики. Как и в 1990-е гг., рецепт успеха казался очевидным: страны, стремящиеся к улучшению своих позиций в мировом хозяйстве, должны ориентироваться на обслуживание растущих ускоренными темпами экспортных рынков.

кризиса в период до новых президентских выборов в США с 70% до 35% [27].

¹⁴ Подробнее см. [31].

¹⁵ Подробнее см. [32].

После кризиса 2008–2009 гг. ситуация решительно изменилась. Начиная с 2012 г. соотношение между темпами роста мировой торговли и реально-го ВВП в среднем составляло 1.1, а в 2015–2016 гг. снизилось до 0.8 и 0.7 соответственно. Отчасти это стало отражением отмеченных выше проблем адаптации экспорта развивающихся стран к изменившейся структуре сравнительных преимуществ в международной торговле, отчасти же причиной стал рост торговых барьеров в период после начала глобального экономического кризиса.

В таких условиях любой фактор, который может привести к дальнейшему снижению темпов роста мировой торговли относительно темпов роста глобального ВВП, способен нанести чувствительный удар по перспективам роста экспортно ориентированных экономик (в том числе специализирующихся на высокотехнологичном экспорте). Неудивительно, что сформировавшаяся в 2017–2018 гг. угроза разворачивания торговых войн стала главным претендентом на роль триггера очередного структурного кризиса мировой экономики.

УГРОЗА ТОРГОВЫХ ВОЙН

По данным ВТО, в 2018 г. произошло радикальное расширение применения протекционистских мер в международной торговле. Хотя их общее число за период с середины октября 2017 г. по середину октября 2018 г. (стандартный период мониторинга ВТО) возросло незначительно, составив в среднем 11 мер в месяц (для сравнения: за аналогичный период 2016–2017 гг. 9 мер, максимум 2015 г. – в среднем 19 мер), объем внешнеторговых поставок, на который они распространяются, увеличился по сравнению с предшествующим периодом наблюдения более чем в 7 раз, достигнув 588.3 млрд долл. [33] Главной причиной стало введение Соединенными Штатами повышенных импортных пошлин на сталь и алюминий в марте 2018 г., а также увеличение пошлин на ввоз китайских товаров общей стоимостью 250 млрд долл. (руководство КНР в свою очередь повысило пошлины на американские товары на сумму 110 млрд долл.).

Произошедший после прихода к власти Д. Трампа поворот американской торговой политики к протекционизму знаменует собой кардинальную переоценку ее принципов и целей. В период после окончания Второй мировой войны ее безусловным приоритетом являлась либерализация, а опережающее снижение США собственных импортных барьеров было направлено на:

1) получение от торговых партнеров, заинтересованных в получении доступа к емкому рынку США, встречных уступок в сфере открытия рынков (в том числе в рамках многосторонних переговоров в ГАТТ/ВТО);

2) содействие интернационализации деятельности американских компаний, включая вынос отдельных звеньев цепочек добавленной стоимости за рубеж с целью наращивания конкурентоспособности (в том числе в рамках НАФТА с учетом беспошлинного ввоза в США произведенной в Канаде и Мексике продукции);

3) повышение благосостояния американских потребителей за счет снижения цен на импортную продукцию потребительского назначения.

С учетом высокой конкурентоспособности американской продукции такая политика рассматривалась как залог экономического лидерства США в мире (в этом смысле показательны параллели с политикой свободной торговли, проводившейся Великобританией в период ее торгового доминирования в XIX в.). Риски, создаваемые политикой торговой открытости для отдельных отраслей экономики США (в первую очередь автомобилестроения в 1970–1980-х годах), минимизировались путем применения специфических отраслевых барьеров на базе принципа *ad hoc* (например, принуждение японских автопроизводителей к добровольному ограничению поставок на американский рынок).

Ситуация стала существенно меняться в 2000-е годы, когда на фоне резкого рывка стран с развивающимися рынками (в первую очередь КНР) позитивный для США баланс выгод и издержек открытой торговой политики стал менее очевидным как в экономическом, так и в политическом плане. Растущий импорт¹⁶ стал оказывать все более выраженное давление на производство и занятость в США. В сочетании с интенсивным переносом многих производств за рубеж это вызвало негативную реакцию значительной части избирателей, занятых в отраслях обрабатывающей промышленности, что во многом предопределило высокую поддержку Д. Трампа в индустриальных штатах США на президентских выборах 2016 г.

Показательно, что уже при администрации Б. Обамы аргументы в пользу дальнейшей либерализации внешней торговли носили преимущественно политический, а не экономический характер. Д. Трамп после прихода к власти полностью отошел от риторики предшественников и в настоящее время позиционирует высокую степень открытости не как залог американского лидерства, а как угрозу для американской экономики. Сравнительно низкие импортные пошлины в США (в 2016 г. их средневзвешенный уровень составил 2.4% по сравнению с 3% в ЕС, 5.2% в КНР и 7.5% в Индии) рассматриваются как одна из причин асимметрич-

¹⁶ Например, в торговле с КНР он увеличился со 100.02 млрд долл. в 2000 г. до 505.6 млрд долл. в 2017 г., то есть более чем в 5 раз.

ных выгод стран-партнеров. Обвинения некоторых из них (в первую очередь КНР) в использовании некорректных торговых практик (в частности, прямого и косвенного субсидирования экспорта) являются дополнительным аргументом в пользу введения торговых барьеров для защиты американской экономики.

Риски такой политики состоят в ревизии всей системы регулирования мировой экономики, созданной в послевоенный период при ведущей роли США. Свертывание международной торговли ударит по широкому кругу ее субъектов (в первую очередь КНР и Германии), а также по американским потребителям, лишенным доступа к дешевому импорту, и производителям, экспорт которых будет ограничен ответными мерами зарубежных стран. Насколько высока вероятность сценария разрывания полномасштабных торговых войн?

С одной стороны, можно указать на целый ряд факторов, играющих против него. Во-первых, практика показала, что результатом аналогичной инициативы США – пересмотра положений Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) – стало не столько возрастание протекционизма, сколько перераспределение выгод регионального хозяйственного взаимодействия в пользу американских экономических субъектов. Многие эксперты полагают, что результатом торгового давления со стороны США также будут скорее уступки стран-адресатов, нежели их ответные меры. Во-вторых, все вовлеченные стороны понимают возможные издержки неконтролируемой эскалации протекционизма (фактор, действие которого на протяжении 2018 г. и в начале 2019 г. особенно четко проявлялось в переговорных стратегиях США и КНР). В-третьих, союзнические отношения США с рядом партнеров, против которых направлены торговые ограничения (в первую очередь со странами ЕС, пострадавшими от введения пошлин на сталь и алюминий), существенно снижают вероятность применения ими ответных мер. В этих условиях можно ожидать, что по мере оживления мировой экономики глобальная торговля, темпы роста которой фактически сравнялись с темпами роста глобального ВВП, вновь продемонстрирует ускорение, открывая новые горизонты для экономического сотрудничества и роста.

С другой стороны, угрозу торговых войн также нельзя сбрасывать со счетов. В опубликованном в марте 2019 г. рейтинге *The Economist Intelligence Unit* риск торговой войны между США и КНР со значительным отрывом возглавил список ключевых угроз для мировой экономики [34]. История изобилует примерами, когда амбиции политиков и конфликты международных экономических интересов приводили к воплощению в жизнь сцена-

риев, в конечном итоге не устраивавших никого. В этом отношении показательно, что нынешнее усиление протекционистских настроений накладывается на общий тренд к снижению уровня кооперативности в регулировании международной торговли, проявлениями которого являются тупик на Дохийском раунде переговоров в рамках ВТО, падение интереса к мегарегиональным соглашениям о свободной торговле, заключение которых казалось реальностью еще 3–5 лет назад, а также расширение использования инструментария экономических санкций в мировой политике.

Особую тревогу вызывает то, что предпринятые руководством США шаги по перекройке глобальной системы торгового регулирования имеют четкие параллели с аналогичными шагами в сфере международной безопасности, включая выход из Договоров по ПРО и РСМД. Если пересмотр правил регулирования мировой торговли будет развиваться теми же темпами, которые уже наблюдаются в режимах обеспечения глобальной безопасности, мы уже в ближайшие годы столкнемся с масштабной эрозией системы глобального экономического регулирования (возможно, включая его финансовые аспекты). Последствия такого развития событий могут оказаться крайне плачевными.

* * *

Результаты проделанного анализа позволяют заключить, что ресурсно-технологические характеристики новой модели роста в мировой экономике создают определенные преимущества для развитых стран – хотя страны с развивающейся экономикой, при условии успешного перехода к новой структуре сравнительных преимуществ в конкуренции на глобальных рынках, также могут воспользоваться ее дивидендами. При этом институциональные факторы и факторы экономической политики, получавшие приоритетное внимание исследователей начиная с 1990-х годов, в рамках новой модели роста отнюдь не игнорируются. Невозможно отрицать, что проблемы таких государств, как КНДР и Венесуэла, в решающей мере зависят от состояния их экономических институтов и принимаемых политических решений. Однако в качестве ключевых каналов влияния соответствующих факторов все в большей степени рассматриваются не столько механизмы снижения транзакционных издержек как таковые, сколько интенсивность внедрения технологических инноваций и освоение новых источников производственных ресурсов.

Что касается основного источника рисков в мировой экономике, то на сегодняшний день безусловным кандидатом на этот статус является эрозия сложившейся в последние десятилетия системы управления глобальными экономическими

процессами. Разрушение действующих в настоящее время механизмов регулирования может резко снизить вклад внешних связей в экономическую динамику и подорвать устойчивость формирующей новой модели роста мирового хозяйства. Если такой сценарий реализуется, новая модель роста рискует стать достоянием истории, так и не раскрыв в полной мере свой потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. El-Erian M. A New Normal. *PIMCO Secular Outlook*, May 2009. Available at: http://media.pimco.com/Documents/Secular%20Outlook%20May_09%20Email-Web%20FINAL3.pdf (accessed 07.03.2019).
2. El-Erian M. *Navigating the New Normal in Industrial Countries*. Washington, Per Jacobsson Foundation, 2010. 37 p.
3. Hinssen P. *The New Normal: Explore the Limits of the Digital World*. Teilt, Lannoo Publishers, 2011. 202 p.
4. Understanding the 'New Normal' on Limits to Growth an Economy that Works. *AETW Briefing Paper*, no. 1, July 2018. Available at: <http://limits2growth.org.uk/wp-content/uploads/2018/07/AETW-Policy-Briefing-No-1-digital.pdf> (accessed 07.03.2019).
5. Hoekman B., ed. *The Global Trade Slowdown: A New Normal?* London, CEPR Press, 2015. 333 p.
6. Aizenman J., Cheun Y.-W., de Haan J., eds. *Journal of International Money and Finance*, 2016, vol. 66, pp. 1-170.
7. Афонцев С. Мировая экономика в поисках новой модели роста. *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 2, сс. 3-12. [Afontsev S. Mirovaya ekonomika v poiskakh novoi modeli rosta [Global economy in the quest for new growth model]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, no. 2, pp. 3-12.]
8. Rodrik D. Understanding Economic Policy Reform. *Journal of Economic Literature*, 1996, vol. 34, no.1, pp. 9-41.
9. Roland G. *Transition Economics: Politics, Markets, and Firms*. Cambridge, MIT Press, 2000. 430 p.
10. Жуков С.В., ред. *Трансформация мирового рынка нефти*. Москва, ИМЭМО РАН, 2016. 298 с. [Zhukov S.V. *Transformatsiya mirovogo rynka nefii* [Transformation of Global Oil Market]. Moscow, IMEMO, 2016. 298 p.]
11. *The United Nations World Water Development Report 2018*. Paris, UNESCO, 2018. 141 p.
12. *World Economic Outlook Database*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx> (accessed 07.03.2019).
13. Социально-экономическое развитие Аргентины. *Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики*, ноябрь 2018. [Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Argentiny [Development trends in Argentina]. *Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii. Byulleten' o tekushchikh tendentsiyakh mirovoi ekonomiki*, November 2018.]
14. Stiglitz J.E. The Promise of Abenomics. *Project Syndicate*, April 5, 2013. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/shinzo-abe-and-soaring-confidence-in-japan-by-joseph-e-stiglitz?barrier=accesspaylog> (accessed 07.03.2019).
15. Дынкин А.А., ред. *Мир 2035. Глобальный прогноз*. Москва, Магистр, 2017. 252 с. [Dynkin A.A., ed. *Mir 2035. Global'nyi prognoz* [The world of 2035: global outlook]. Moscow, Magistr, 2017. 252 p.]
16. *Digital Economy and Society Index Report 2018*. Brussels, The European Commission, 2018. 79 p.
17. *Digital Economy Monitoring Report 2018*. Berlin, Bundesministerium für Wirtschaft, 2018. 22 p.
18. *The Next Economic Growth Engine Scaling Fourth Industrial Revolution Technologies in Production*. Geneva, World Economic Forum, 2018. 33 p.
19. *World Development Report 2016: Digital Dividends*. Washington, World Bank, 2016. 359 p.
20. *Digital Globalization: the New Era of Global Flows*. New York, McKinsey Global Institute, 2016. 156 p.
21. *Measuring the Digital Economy*. Washington, IMF, February 28, 2018. 47 p.
22. Nakamura L., Samuels J., Soloveichik R. *Measuring the 'Free' Digital Economy within the GDP and Productivity Accounts*. Philadelphia, Federal Reserve Bank of Philadelphia, October 2017. Available at: www.philadelphiafed.org/research-and-data/publications/working-papers (accessed 07.03.2019).
23. van Ark B. The Productivity Paradox of the New Digital Economy. *International Productivity Monitor*, Fall 2016, vol. 31, pp. 3-18.
24. Капелюшников Р.И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? *Вопросы экономики*, 2017, № 11, сс. 111-140. [Kapelyushnikov R.I. Tekhnologicheskii progress – pozhiratel' rabochikh mest? [Does Technological Progress Destroy Jobs?] *Voprosy ekonomiki*, 2017, no. 11, pp. 111-140.]
25. Капелюшников Р.И. Влияние четвертой промышленной революции на рынок труда. *Аист на крыше. Демографический журнал*, 2018, № 6(6), сс. 32-36. [Kapelyushnikov R.I. Vliyaniye chetvertoi promyshlennoi revolyutsii na rynek truda [The Impact of the Fourth Industrial Revolution on Labour Market]. *Aist na kryshe. Demograficheskii zhurnal*, 2018, no. 6(6), pp. 32-36.]
26. Lagarde Ch. Is the World Prepared for the Next Financial Crisis? *Foreign Policy*, Winter 2019. Available at: <https://foreignpolicy.com/gt-essay/is-the-world-prepared-for-the-next-financial-crisis-christine-lagarde-economy-recession/> (accessed 07.03.2019).
27. Hedge Fund Legend Ray Dalio Is Changing His Mind about the Next Recession. *Observer*, February 28, 2019. Available at: <https://observer.com/2019/02/ray-dalio-bridgewater-predict-next-recession-2020-election/> (accessed 07.03.2019).

28. Stiglitz J.E. *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. New York, W.W. Norton and Company, 2013. 306 p.
29. Piketty T. *The Economics of Inequality*. Cambridge, Harvard University Press, 2014. 704 p.
30. Stiglitz J.E. *The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them*. New York, W.W. Norton and Company, 2015. 464 p.
31. Капелюшников Р.И. Экономическое неравенство – вселенское зло? *Препринты Издательского дома НИУ-ВШЭ, серия WP3 “Проблемы рынка труда”, WP3/2019/01*. [Kapelyushnikov R.I. Ekonomicheskoe neravenstvo – vselenskoe zlo? [Economic Inequality: The Great Evil?] *HSE Preprints, WP3 Series, WP3/2019/01*.]
32. Афонцев С.А. Промышленная политика и перспективы импортозамещения в российской экономике. *Экономический кризис и промышленная политика – альтернативные пути возвращения к росту в России*. Под ред. Р. Трауб-Мерца и Д. Ефименко. Москва, Политическая энциклопедия, 2016, сс. 10-30. [Afontsev S.A. Promyshlennaya politika i perspektivy importozameshcheniya v rossiiskoi ehkonomie [Industrial Policy and Prospects of Import Substitution in the Russian Economy]. *Ekonomicheskii krizis i promyshlennaya politika – al'ternativnye puti vozvrashcheniya k rostu v Rossii* [Economic crisis and industrial polices: policy options for a return to growth in Russia]. Traub-Merz R., Efimenko D., eds. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2016, pp. 10-30.]
33. *Overview of Developments in the International Trading Environment. Annual Report of the Director-General (Mid-October 2017 to mid-October 2018)*. Geneva, WTO, 2018. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news18_e/trdev_11dec18_e.htm (accessed 07.03.2019).
34. *Cause for Concern? The Top 10 Risks to the Global Economy in 2019*. The Economist Intelligence Unit, March 2019. Available at: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=GlobalRisks2019 (accessed 07.03.2019).

NEW TRENDS IN GLOBAL ECONOMY

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 5, pp. 36-46)

Received 11.03.2019.

Sergey A. AFONTSEV (afontsev@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

After the crisis of 2008–2009, dynamics and structural characteristics of the global economy experienced profound changes. Instead of shifting to a ‘New Normal’ of any kind, it presented both developed and developing economies with a set of strategic options involving technological, institutional, and economic policy trade-offs. Most resource- and technology-related ‘forks in the road’ are relatively growth-friendly, as the choice among the available strategic alternatives can rely on efficiency-maximizing economic calculus (although in some cases, as with the labor-saving technological change, social costs can be rather sensitive). This applies also to the dynamics of institutional change, with different economic and social institutions having proved their compatibility with positive GDP growth. On the contrary, economic policy trade-offs are much more challenging, as efficiency-improving policy reforms often bring opposition by vested interests and/or electoral risks. As for global economic governance, these risks are complemented with nationalist temptations inviting political decision makers to sacrifice global norms for country-specific benefits. In this sense, recent trends in global trade are especially warning, as proliferation of trade barriers can further reduce growth in global trade and downgrade the role of export demand as the engine of global development. Thus far, both markets and most experts considered new US protectionist initiatives as elements of the bargaining strategy used by the Trump administration, which will more likely result in concessions by the affected country partners rather than in retaliatory measures. However, the scenario of full-fledged trade wars should not be ruled out. The history of the global economy presents numerous cases when political ambitions and conflicting trading interests generate outcomes leaving all the parties worse off. Preventing the collapse of the existing regimes and institutions of global economic governance appears one of the key factors responsible for keeping growth rates of global GDP above 3 per cent in short- and medium-run perspective.

Keywords: world economy, economic growth, GDP, global trade, foreign direct investment, global competitiveness, digital economy, global economic governance, protectionism, trade wars.

About author:

Sergey A. AFONTSEV, RAS Corresponding Member, Dr. Sci. (Econ.), Head of Economic Theory Department.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-36-46